

Михаил Михайлович Щербатов

О повреждении нравов в России

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Щ29

Щ29 **Щербатов М.**
О повреждении нравов в России / Михаил Михайлович Щербатов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 84 с.

ISBN 978-5-521-38942-1

ISBN 978-5-521-38942-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего, съ таковымъ окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, немогу я не удивляться, въ коль краткое время повредились повсюдно нравы въ Россіи. Въ истину могу я сказать, что естли вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего неоставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ,—мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать удивительныя имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей. Но тогдаже съ гораздо вящей скоростью бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ, и достигли даже до того, что Вѣра и Божественный Законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впади, гражданскія узаконенія презираемы стали; судіи во всякихъ дѣлахъ не толь стали стараться, объясня дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоимственно продавая правосудіе, получить себѣ прибытокъ, или, угождая какому вельможѣ стараются проникать, какое есть его хотѣніе; другіе же не зная и не стараясь узнать узаконеній, въ сужденіяхъ своихъ, какъ безумные бредятъ, и ни жизнь, ни честь, ни имѣнія гражданскія несутъ безопасны отъ таковыхъ неправосудій. Нестъ ни почтенія отъ чадъ къ родителямъ, которые не стыдятся открыто ихъ волѣ противоборствовать и осмѣивать ихъ стараго вѣка поступокъ. Нестъ ни родительской любви къ ихъ исчадію, которые, яко иго съ

плечь слагая, съ радостью отдають воспитывать чуждымъ дѣтей своихъ, часто жертвуютъ ихъ своимъ прибиткамъ и многіе учинились для честолюбія и пышности продавцами чести дочерей своихъ. Нестъ искренней любви между супруговъ, которые часто другъ другу хлодно терпя взаимственныя прелюбодѣянiя, или другіе за малое что разрушаютъ собою церковью заключенный бракъ, и не токмо нестыдятся, но паче яко хвалятся симъ поступкомъ. Нестъ родственническія связи, ибо имя родовъ своихъ заничто почитаютъ, но каждый живетъ для себя. Нестъ дружбы, ибо каждый жертвуетъ другомъ, для пользы своея. Нестъ вѣрности къ Государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать Государя, дабы отъ него получать чины и прибыточные награжденія. Нестъ любви къ отечеству, ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконецъ несть твердости духу, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать; но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться.

Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозящее паденіемъ государству, конечно должно какія основательныя причины имѣть, которыя въ первыхъ я потщусь открыть, а потомъ показать и самую исторію, какъ нравы часть отъ часу повреждались, даже какъ дошли до настоящей развратительности.

Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое поврежденіе нравовъ, а однако главнѣе изъ нихъ я почитаю сластолюбіе. Ибо оно рождаетъ разныя стремительныя хотѣнія, а дабы достигнуть до удовольствія оныхъ, часто человекъ ничего нещадить.

Въ самомъ дѣлѣ человекъ, предавшій себя весь своимъ безпорядочнымъ хотѣніямъ и обожа внутри сердца своего свои стремительныя страсти, мало уже помышляетъ о законѣ Божіемъ, а тѣмъ меньше еще о узаконеніяхъ страны, въ которой живетъ. Имѣя себя единого въ виду, можетъ-ли онъ быть сострадателемъ къ ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы. А какъ Государя щитають источникомъ, отъ

когого можетъ получить такія награжденія, которыя могутъ дать ему способы исполнить свое сладострастіе, то привязывается къ нему, но не съ тою вѣрностію, какую бы долженъ "подданный къ Самодержцу своему имѣть, но съ тѣмъ стремленіемъ, къ чему ведетъ его страсть, то есть, "чтобы угождать во всемъ Государю, льстить его страстямъ и подвигнуть его награждать его. А таковыя расположенія нераждаютъ твердости; ибо можетъ-ли тотъ быть твердъ, который всегда трепещетъ недостигнуть до своего предмета и котораго твердость явнымъ образомъ отъ онаго удаляетъ. Іулій Цезарь, толь искусный въ познаніи сердецъ человѣческихъ, яко искуситель въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ, который умѣлъ побуждать вооруженныхъ противу него враговъ, и побужденныхъ сердца къ себѣ обращать, не иное что къ утвержденію своея похищенной власти употребилъ, какъ большія награжденія, дабы введши черезъ сіе сластолюбіе къ нему якобы къ источнику раздаяній болѣе людей привязались. Не токмо всѣмъ своимъ поступкомъ изъявлялъ такія свои мысли, но и самыми словами единожды ихъ изъяснилъ. Случилось, что ему доносили нѣчто на Антонія и на Долабелу, якобы онъ ихъ долженъ опасаться. Отвѣчалъ, что онъ сихъ въ широкихъ и покойныхъ одеждахъ ходящихъ людей, любящихъ свои удовольствія и роскошь, никогда страшиться причины имѣть неможетъ.

Но сіи люди продолжалъ онъ, которые о великолѣпности, ни о спокойствіи одеждъ не радятъ, сіи же роскошь презираютъ и малое почти за излишнее считаютъ, каковы суть Брутусъ и Кассій, ему опасны, вразсужденіи намѣреній его лишить вольности римской народъ. Не ошибся онъ въ сѣмъ; ибо подлинно сіи его тридцати тремя ударами издыхающей римской вольности пожертвовали.

И такъ самый сей примѣръ и доказуетъ намъ, что не въ роскоши и сластолюбіи издыхающая римская вольность обрѣла себѣ защищеніе, но въ строгости нравовъ и въ умѣренности.

Отложавъ суровости, слѣдствія непросвѣщенія и скитающейся жизни дикихъ народовъ, рассмотримъ ихъ

внутреннія и неистребленныя вліянныя природою въ сердце чловѣческое добродѣтели. Худы-ли или хороши ихъ законы, они имъ строго послѣдуютъ; обязательства ихъ суть священны, и почти неслышно, чтобы когда кто супругѣ или ближнему измѣнилъ; твердость ихъ есть невѣроятна; они за честь себѣ считаютъ не только безъ страху, но и съ презрѣніемъ мученій умереть; щедрость ихъ похвальна; ибо все что общество трудами своими пріобрѣтаетъ, то все равно въ обществѣ дѣлится, и нигдѣ я не нашелъ, чтобы дикіе странствующие и непросвѣщенные народы похитили у собратій своихъ плоды собственныхъ своихъ трудовъ, дабы свое состояніе лучше другихъ сдѣлать. А все сіе происходитъ, что нѣсть въ нихъ и не знаютъ они сластолюбія, слѣдственно и никакого желанія, клонящагося въ ущербъ другому.

Довольно я уже показалъ, что источникъ поврежденія есть сластолюбіе, приступлю теперь показывать какими степенями достигло оно толико повредить сердца моихъ единоплеменниковъ. Но дабы говорить о семъ, надлежитъ сперва показать состояніе нравовъ Россіянъ до царствованія Петра Великаго. —

Не токмо подданные но и самые государи наши жизни вели весьма простую: дворцы ихъ были необширны, яко свидѣлствуютъ оставшіяся древнія зданія. * Семь или восемь а много десять комнатъ составляли уже довольное число для вмѣщенія Государя. Оныя состояли: крестовая, она же была и аудіенцъ-камера, ибо тутъ приходили и ожидали Государя бояре и другіе сановники; * столовая, гораздо меньшая, ибо по разряднымъ книгамъ видимъ, что весьма малое число бояръ удостоивалось имѣть честь быть за столомъ у Государя; и для какихъ великолѣпныхъ торжествъ была назначена Грановитая Палата. Незнаю я была ли у Государей предспальня; но, кажется, по расположеніи старыхъ дворцовъ, которые я запомню, ей быть надлежало. * Спальня и она была не разная съ царицами, но всегда одна. * За спальнею были покои для дѣвушекъ царициныхъ, и обыкновенно она была одна, и для малолѣтнихъ дѣтей

царскихъ, которыя по два и по три въ одной комнатѣ жила, когда же возрастали, то давались имъ особливый покой; но и оныя состояли не больше изъ трехъ комнатъ, то есть, крестовой, спальни и заспальной комнаты. Самые дворцы сіи большихъ украшеній неимѣли, ибо стѣны были голыя и скамьи стояли покрыты кармазиннымъ сукномъ, а изыскуемое было великолѣпіе, когда дурною, рѣзною работою вокругъ дверей были сдѣланы украшенія, стѣны и своды вымазаны иконописнымъ письмомъ, образами святыхъ, или такъ цвѣты на подобіе арабеска, а естли было нѣсколько орѣховыхъ стульевъ или креселъ для царя или царицы, обитыхъ сукномъ или трипомъ, то сіе уже высшая степень великолѣпія была. Кроватей съ занавѣсами не знали, но спали безъ занавѣсокъ. А уже въ послѣднія времена токмо, яко знатное великолѣпіе было, что обили въ царскомъ домѣ крестовую палату, бывшую возлѣ краснаго крыльца, я помню самъ съ почернѣлыми ея обоями.

Столъ государевъ соотвѣтствовалъ сей простотѣ, ибо хотя я того утвердить и не могу, чтобы Государи кушавали не на серебрѣ; но потому что въ мастерской палатѣ не вижу порядочнаго сервизу серебрянаго, заключаю, что тогда Государи кушали на оловѣ; а серебряныя блюда и сдѣланныя горы, на подобіе Синайскихъ, также и другія столовыя украшенія употреблялись только въ торжественные дни.

Кушанье ихъ сходственно съ тѣмъ-же было; хотя блюда были многочисленны, но они всѣ состояли изъ простыхъ вещей. Говядина, баранина, свинина, куры индейскія, утки, куры русскія, тетерева и поросята были довольны для составленія великолѣпнѣйшаго стола, съ прибавленіемъ множества пирожнаго, не всегда изъ чистой крупчатой муки сдѣланнаго; телятину мало употребляли, а поенныхъ телятъ и каплуновъ и не знали. Высочайшее-же великолѣпіе состояло, чтобы кость жареннаго и ветчины обернуть золотою бумагою, мѣстами пироги раззолотить и тому подобное. Потомъ не знали ни капорцовъ, ни оливковъ, ни другихъ приготовленій для побужденія аппетита, но довольствовались огурцами

солеными, сливами и наконецъ за великолѣпіе считалось подать студень съ солеными лимонами.

✱Рыбный столъ еще тощѣе мяснаго былъ. Садковъ купеческихъ было очень мало и не имѣли искусства изъ дальнихъ мѣстъ дорогую, живую рыбу привозить, да къ тому-же Государевъ дворъ былъ не на подрядѣ, но изъ волостей своихъ всѣмъ довольствовался. И такъ въ Москвѣ, гдѣ мало состояло обильства рыбы, довольствовался токмо тою рыбою, которую въ Москвѣ рѣкѣ и въ ближнихъ рѣчкахъ ловили, а какъ происходилъ чувствительный недостатокъ въ столѣ Государевѣ, то, сего ради, какъ въ самой Москвѣ, такъ и по всѣмъ государевымъ селамъ сдѣланы были пруды, изъ которыхъ ловили рыбу про столъ государевъ, впрочемъ же употребляли соленую, привозя изъ городовъ, изъ которыхъ на многіе, гдѣ есть рыбныя ловли и въ дань она была положена, какъ мнѣ самому случалось видѣть въ Ростовѣ грамоты о сей дани. А зимою привозили и изъ далекихъ мѣстъ рыбу, мерзлую и засоленную, которая къ столу Государя употреблялась.

✱Десертъ ихъ такой же простоты былъ; ибо изюмъ, коринка, винныя ягоды, черносливъ и медовыя пастилы составляли онѣй, что касается до сухихъ вещей. Свѣжія же лѣтомъ и осенью были: яблоки, груши, горохъ, бабы и огурцы; а думаю, что дынь и арбузовъ и не знали, развѣ когда нѣсколько арбузовъ привезутъ изъ Астрахани. ✱Привозили еще и виноградъ въ патакѣ а свѣжаго и понятія неимѣли привозить, ибо онѣй уже моей памяти въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, тщаніями Ивана Антоновича Черкасова, кабинетъ-министра, началъ свѣжій привозиться.

Для толь малаго числа покоевъ не много бы освѣщенія надобно; но и тутъ нетокмо неупотребляли, но и за грѣхъ считали употреблять восковыя свѣчи, а освѣщены были комнаты сальными свѣчами, да и тѣхъ не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, гдѣ четыре свѣчи на подсвѣчникахъ поставлялись. ✱Напитки состояли: квасъ, кислы щи, пиво и разные меды. Изъ простова вина сдѣланная водка;

вины — церковное, то-есть красное ординарное вино; ренское, подъ симъ именемъ разумѣлся нетокмо рейнвейнъ, но также и всякое бѣлое ординарное вино; романей, то-есть греческія сладкія вина и аликантъ, которые чужестранные напитки съ великою бережливостію употребляли, и погреба, гдѣ они содержались, назывались фряжскія; потому что какъ первые оныя, а паче греческіе получались черезъ франковъ, а другія знали, что изъ Франціи идутъ, то общее имя имъ и дали фряжскихъ винъ.

Таковъ былъ столъ государевъ, въ разсужденіи кушанья и напитковъ, посмотримъ какіе ихъ были экипажи. Государи и всѣ бояре лѣтомъ ѣздили всегда верхомъ, а зимою въ открытыхъ саняхъ; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ находимъ по лѣтописцамъ, что въ случаѣ болѣзни, когда Государь въ походѣ занеможетъ, то также сани употребляли и лѣтомъ, и правда, что въ верховой ѣздѣ государское великое было великолѣпіе, яко видно по оставшимся конскимъ уборамъ хранящимся въ мастерской палатѣ. *Арчаги сѣдлѣ были съ камнями, стремена также камнями были покрыты; подушки бархотныя, шитыя или золотомъ, или серебромъ, или и низанныя жемчугомъ, съ запонами драгоцѣнныхъ камней, попоны тому же великолѣпію подобныя, бархатныя или аксаметныя золотыя, съ шитьемъ, и съ низаньемъ и съ камнями. *Но сіе азіатское великолѣпіе неубыточно было, ибо сдѣланные однажды таковыя уборы на многія столѣтія могли служить.

*Царицы же ѣзжали обыкновенно въ колымагахъ, родъ каретъ, сдѣланныхъ снаружи на подобіе фурмановъ, гдѣ не было ни мѣста чтобъ сидѣть, ни окошекъ, но клали внутри пуховики для сидѣнья, а вмѣсто нынѣшнихъ драгоцѣнныхъ точеныхъ стеколъ, опускающеюся кожею окошки и двери закрывали. Не могли такія коляски удобны быть ни къ какому украшенію, ибо снаружи всѣ обиты были кожею, а верхъ великолѣпія въ дѣланіи оныхъ состоялъ, чтобы наружную кожу мѣстами позолоченную и тисненную употребить. *Каретъ же нетокмо не знали но и воображенія о нихъ неимѣли, ибо

уже въ царствованіе Петра Великаго ближній мой свойственникъ, бояринъ Михайло Ивановичъ Лыковъ, чело-вѣкъ пребогатый, бывши воеводою у города Архангельскаго, выписалъ орѣховую, украшенную рѣзбою карету, съ точеными стеклами, по смерти его сія карета досталась дѣду моему и почиталась столь завидною и драгоценною вещью, хотя и снова тысячи рублей нестоила, что к. М... (князь Меншиковъ?) дѣлалъ нападки на дѣда моего, чтобы ее получить, и за неотданіе учинилъ, что дѣдъ мой лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній, которыя надлежало бы ему наслѣдовать послѣ супруги к. Лыкова.

✦ Возвримъ теперь на одежды царскія. Онѣ были великолѣпны. Въ торжественныхъ ихъ одѣяніяхъ золото, жемчугъ и каменья повсюду блитали; но обыкновенныя одежды, въ коихъ болѣе наблюдали спокойствія, нежели великолѣпія, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбія; а торжественныя столь рѣдко употреблялись и толь крѣпки были, что ихъ за носильныя одежды и почитать недолжно; но были они яко какіе коронныя сосуды, опредѣленные токмо для показанія великолѣпія монарша; а естли не самыя одежды, то по крайней мѣрѣ украшенія ихъ, бывъ сдѣланы изъ золотыхъ бляхъ, жемчугу и каменей изъ роду въ родъ переходили. Но общимъ образомъ сказать: небыло никакихъ ни изыскуемыхъ и тлѣнныхъ украшеній, ни великаго числа платей, но пять или - шесть а много до десяти платьевъ когда имѣлъ царь или царица, то уже довольно считалось, да и тѣ нашивали до износу, развѣ изъ особенной милости кому съ плеча своего платья пожалуютъ.

✦ Главной же роскошъ въ царскихъ обыкновенныхъ платьяхъ состоялъ въ драгоценныхъ мѣхахъ, которые они для подкладки и на опушку одѣяній своихъ употребляли, но мѣха сіи некупленные и не изъ чуждыхъ Государствъ превезенные были; но дань собираемая съ сибирскихъ народовъ. ✦ Впрочемъ царицы имѣли обычай носить длинныя, тонкія, полотняныя у сорочекъ рукава, которыя на руку набирали и сіи были иногда толь

длинные, что даже до двадцати аршинъ полотна на нихъ употреблялось.

Се есть все что я могъ собрать о родѣ питья, выѣзду, одежды царской а сіе самое и показываетъ коликая простота во всемъ ономъ находилась. Бояре и прочіе чиновники, по мѣрѣ ихъ состоянія, подобную же жизнь вели, стараясь притомъ, изъ почтенія по царскому сану, никогда и къ простому сему великолѣпію не приближаться. А болѣе всего сохраняло отъ сластолюбія, что ниже имѣли понятія о перемѣнѣ модъ; но что дѣды наши шивали, то и внучата, непочитаясь староманерными носили и употребляли. Бывали у бояръ златотканныя, богатые одѣянія, которыя просто золотами назвали, и не иначе надѣвали, когда для какаго торжественнаго случая, повелѣно имъ было въ золотахъ ко двору собираться, а посему сіи одежды имъ на долго служили, и я заподлинно слыхалъ, что не стыдились и сыновья, покончинѣ родителей своихъ тоже платье носить. Однако несть никакого общества, кудабы великолѣпіе и роскошь не вкрадывалась, — то, колико, кажется мнѣ, главное великолѣпіе состояло у бояръ имѣть великое число служителей. Великолѣпіе можетъ быть до излишества доведенное; но въ самомъ дѣлѣ основанное на нуждѣ, ибо бояри съ людьми своими хоживали на войну. И оныя обще и воиновъ государственныхъ и защитниковъ въ опасномъ случаѣ своимъ господамъ были. Но въ мирное время за честь себѣ бояре считали, когда ѣдитъ по городу, чтобы ему предшествовали человѣкъ пятьдесятъ слугъ пѣшками; слыхалъ я что и самыя боярыни не токмо куда вознатное посѣщеніе, но ниже къ обѣдни къ своему приходу стыдились безъ предшествованія двадцати или тридцати слугъ ѣхать. Однако содержаніе сихъ слугъ недорого стоило: давали имъ пищу и весьма малое на сапоги жалованье а въ прочемъ они содержались своимъ искусствомъ, дома носили сѣрые, сермяжные кавтаны, а при выѣздѣ господина или госпожи, какой у кого получше кавтанъ сыщется, ибо тогда ливреи не знали; а я самъ запомню, что безъ гостей званыхъ, во всѣхъ домахъ лакеи ливреи не надѣвали, а употре-

бленные къ должностямъ люди, которыхъ бывало мало, носили такіе кавтаны, какіе случится.

✱Остается мнѣ еще сказать, что небыло тогда ни единого, ктобы имѣлъ открытый столъ; но развѣ ближніе самые родственники безъ зову куда обѣдать ѣздили, а посторонніе инако неѣзжали какъ токмо званые и могли сидѣть поутру до часу обѣденнаго, а ввечеру до ужина небывъ уняты обѣдать или ужинать.

Таковыя обычаи чинили, что почти всякій, по состоянію своему безъ нужды могъ своими доходами проживать и имѣть все нужное, непростирая къ лучшему своего желанія, ибо лучшаго никто и не зналъ. А потому же воспитаніе въ набожїи, хотя иногда дѣлало иныхъ суевѣрными, но влагало страхъ закона Божія, который утверждался въ сердцахъ ихъ ежедневною домашнею, божественною службою. Не было разныхъ для увеселенія сочиненныхъ книгъ и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать божественное писаніе, иначе: въ Вѣрѣ утверждаться.

Правленіе деревень занимало большую часть время, а сіе правленіе влекло за собою разсмотрѣніе разныхъ крѣпостей и заведенныхъ разныхъ приказныхъ дѣлъ, которыя понуждали вникнуть въ узаконеніе государства, и за честь себѣ считали младые люди хаживать сами вездѣ, какъ и въ родѣ своемъ имѣю примѣры, что Кн. Дмитрій Ѳеодоровичъ Щербатовъ, хаживалъ нетокмо по своимъ дѣламъ, но и по чужимъ и толь учинился благоразуміемъ своимъ знаемъ боярину Князь Ѳеодору Ѳеодоровичу Волконскому, что сей, хотя Кн. Щербатовъ по причинѣ раззоренія дому его, а купно съ убїеніемъ дѣда его Саввы Щербатова отъ самозванца Отрепьева, и въ бѣдности находился, однако сей бояринъ, человѣкъ, весьма богатый, дочь свою и наслѣдницу своего имѣнія за него отдалъ и Кн. Иванъ Андреичъ Щербатовъ, который послѣ былъ министромъ въ Гишпанїи, Царградѣ и Англіи и наконецъ дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ и ордена Св. Александра Невского Кавалеромъ, по своимъ дѣламъ въ молодости своей вездѣ хаживалъ.